

КАК ХОТЕЛОСЬ, чтобы неделя спектаклей, поставленных учениками Анатолия Васильева, стала «лучом света в темном царстве» нашей обыденной театральной жизни. Впрочем, она таковым и стала. Во всяком случае для почти двухсот участников — актеров и режиссеров из разных городов страны (в основном почему-то с Украины), которые не только свои спектакли играли, но и чужие смотрели и обсуждали на ежедневных занятиях васильевской режиссерской лаборатории. Возбудил фестиваль и критиков, и ленинградский театральный люд (отнюдь не только неформалов, но и добропорядочных представителей Пушкинского театра и Тюза). В меньшей степени увлекли спектакли зрителей — зал Молодежного театра на Фонтанке был полон исключительно благодаря «своей» публике; билетов же продавалось на редкость мало — 50—60 за вечер.

Эти-то простые зрители и способствовали решительному размежева-

качеству» — спектакли прошлогодних выпускников класса Анатолия Васильева. Шесть режиссеров предъявили Мастеру то, что считали нужным. И важно им было не потрясти зал, не завоевать успех у критики и публики, а услышать мнение Мастера. А «разборы» Васильева тоже были особого свойства — как правило, без оценки.

— Многие годы я смотрю работы своих учеников. И за это время, просмотрев, наверное, десятки тысяч театральных фрагментов, я остановил действие лишь два или три раза. Не больше. Театр может быть разным... Все, что мы наблюдаем на фестивале — мера таланта, неловкости и прочее, — достоверно только на сегодняшний день. В нашей профессии опасно говорить «нет». Все неожиданное и замечательное в искусстве происходит тогда, когда кто-то делает то, что нельзя. И я не говорю «нет». У меня другая миссия. Я занимаюсь театром, который будет через десять лет, а не сегодня. Занимаюсь причиной, а не следствием.

КОНЕЧНО, с высоты своей миссии Анатолий Васильев прав. Но что делать нам, грешным, которые вынуждены жить сегодня и смотреть спектакли как спектакли, а не как эскизы к будущему? В режиссерском деле почти

«сын лейтенанта Шмидта» (именно так назвала васильевцев моя коллега Елена Вольгуст). А человек талантливый будет жить так же трудно и мучительно, как живет Васильев. Хорошо, если учитель окажется вовремя рядом, поможет, поддержит, как в свое время помогала Васильеву М. Кнебель.

— История моих отношений с Марьей Осиповой — целый роман об этом педагоге. Сначала была настоящая война. Я получил у нее двойку, и кафедра хотела меня отчислить. Мне от Марьи Осиповны доставалось довольно сильно, да и я вел себя не лучшим образом. И после всего этого, когда мне удалось выкрутиться, поставив что-то из Шукшина в народном стиле, Кнебель поручает мне самостоятельную работу на курсе, а на 4-м году и вовсе передает мне педагогику. Как-то незаметно, постепенно... Теперь я понимаю, какое нужно мужество, чтобы отдать курс студенту да еще такому, от которого натерпелась. Это был выдающийся шаг, невероятный. Потом она пригласила Ефремова и порекомендовала меня ему. Потом в Театре Станиславского я репетировал «Первый вариант «Вассы Железновой», и, конечно, как всегда, ничего не получалось. Тяжелая была история... И я решил позвать Кнебель.

царивший на сцене, в буквальном смысле переливался в зал — зрителей дразнили, подначивали, норовили облить водой и кое-кого обливали с ног до головы... Игра здесь утратила свою отдельность от жизни, и режиссер уже не мог вернуть ее в художественное русло.

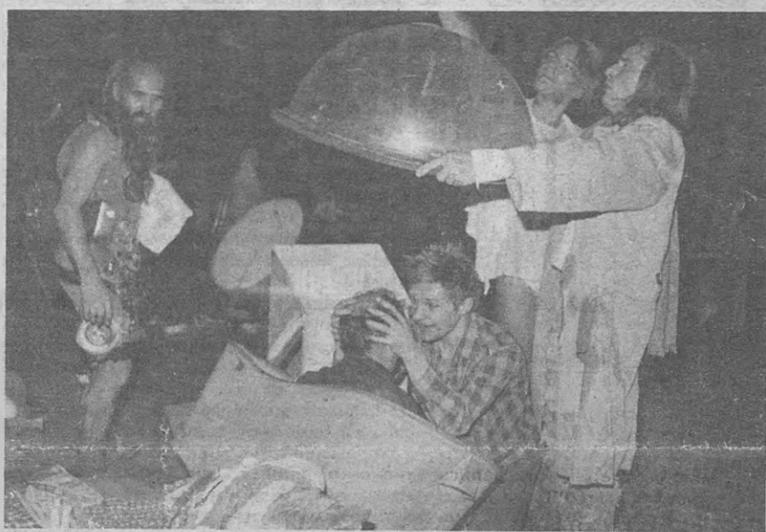
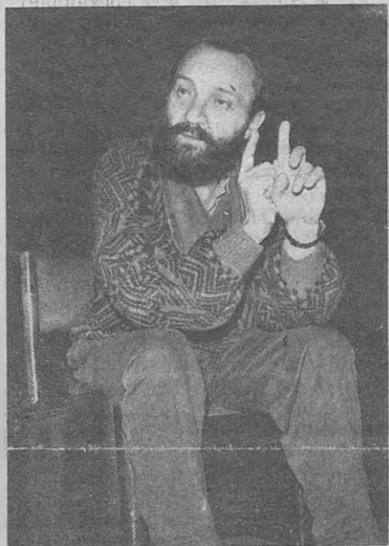
Кусочек этого спектакля вырвался на волю и до конца фестивалю просуществовал самостийно: три художника, участвовавших в «О-О-Ы!», в шуршащих серебристо-золотистых «космонавтских» одеждах, кто в шляпе, кто в лисьей шапке, бродили в кулуарах и гуляли по Невскому, участвовали в обсуждениях и пугали зрителей на других спектаклях... Их лидер — художник Федор Титанич — неустанно повторял, что он — Бесконечность, и что прочие, даже Васильев, понять его не могут, ибо конечны. Васильев же был бесконечно любезен с пришельцами. Но со стороны их дуэт напоминал отношения короля с шутом.

— Я сам редко применяю контакт с залом, — говорил Васильев, завершая фестиваль. — Но не борюсь за чи-

Анатолий ВАСИЛЬЕВ:

«ТЕАТРУ НЕ ХВАТАЕТ ИНФЕРНАЛЬНОГО, МИСТИЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ МАСТЕРА»

В ЛЕНИНГРАДЕ СОСТОЯЛСЯ ФЕСТИВАЛЬ «ШКОЛА. ОПЫТ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА»

нию между мнением зала и самооценкой творцов. Творцы были в основном собой довольны, а зрители скучали или возмущались, уходили прямо в середине действия, так что к финалу зал зиял пустотами. Аналогичная картина наблюдалась и в Союзе театральных деятелей, когда критики собрались за «круглым столом»: выступление Е. Калмановского режиссерский корпус во главе с Васильевым стойчески выслушал, несмотря на всю нелюбимую оценку, а потом гостиня СТСД все более пустела... Такая симметричность — равнодушие зрителей и равнодушие к зрителям...

— Еще у Пушкина написано: «не дорожи любовию народной», «ты — царь»... Это ведь совсем не то, чему нас в школе учили. Это всерьез. И этим охраняется высокое назначение человека, который служит высокому искусству. Театр обычно не рассматривался как высокое искусство, ему всегда приписывали более низкий жребий — обслуживать публику. И в связи с этим мой первый постулат: театр — высокое искусство, он такая же прекрасная бесполезность, как живопись, музыка, поэзия, и потому в зрителе не нуждается. И второе: центр действия должен быть перенесен из зрительного зала на сцену. Посмотрите, как актер выходит из-за кулис на площадку. Он не должен делить пространство театра на кулисы, сцену и зал. Театр — это единая пространственная и действенная среда.

ЭТО УЖЕ из выступления Анатолия Васильева перед участниками фестиваля. Отсюда и началось, наверное, расхождение между ожиданиями, связанными с работами режиссеров, и результатом. Васильев и его ученики были верны себе и организовали не показ лучших спектаклей, а именно ШКОЛУ. Они собрали — без предварительного отбора, без конкурса «по

невозможны лабораторные условия, в профессиональное становление втягиваются многие судьбы. И ученики Васильева, как мы заметили, успели уже вкушать и от манящего плода власти над актерами, и от плода сомнения. Чуть не в каждом спектакле видно, как выворачивается наизнанку органика актера. Чуть не в каждом — рефлексия, попытка соединить несоединимое: быть «над схваткой» и преодолеть отчуждение зала.

Иной раз — как в спектакле Бориса Мильграма «Случай в зоопарке» — игра становится и для зрителей захватывающей и увлекательной, и зал охотно идет на контакт. Чаше общение происходит чисто формально. И не дай Бог, если зритель «клянет» и ответит актеру! Впрочем, это только детали. Гораздо серьезнее другое: ни один из учеников пока не унаследовал васильевского дара чувствовать нерв времени, боль своего поколения...

На обсуждении спектаклей прозвучала мысль, что в искусстве вообще нельзя научить, можно научиться. Один из режиссеров высказался еще категоричней: мол, Васильев — плохой педагог, он, мол, раскрепостил его, молодого гения, как личность и как творца, — но не более.

При этом сам Васильев предстал совершенно неожиданным. Как учитель, он фантастически нежен, ласков, терпелив и терпим. Он умеет обуздать свой крутой нрав, если дело касается учеников. Он, наверное, действительно плохой педагог — в примитивном отечественном «макаренковском» смысле. Слишком балует учеников, слишком нянчится с ними, к каждому относится как к потенциальному гению. Прав ли? Трудно стать с ним вровень и согласиться безоговорочно. Если ученик и впрямь талантлив, то после насковоз эстетской школы ему будет еще труднее, чем середняку, воображившему себя гением. Середняк в конце концов стогрит. Хотя, конечно, не сразу: какое-то время понежится, погрееется славой «ученика Васильева», помучает артистов, пока не обнаружится, что он

Пригласил на первый прогон. Если бы она тогда не посмотрела — спектакля бы не было. Одно из присутствия оказалось достаточно, чтобы спектакль собрался и обрел художественный смысл, отлился в форму. Тогда я понял, что за вещь театр и как ему не хватает inferнального, мистического присутствия Мастера, Личности...

УЧЕНИКАМ Анатолия Васильева тоже повезло, что бы они ни говорили. Но у Кнебель было много воспитанников — выдающимися режиссерами стали не все. Вспомним школу Павла Филонова, считавшего, что обучить профессии можно любого. Настоящими художниками стали единицы из сотен филоновцев. Кроме усердия, нужен талант. А кроме таланта? Усердие. И еще кое-какие свойства характера. Сила воли, например. Тогда-то и выясняется — режиссер ты или нет?

Владимир Кучинский из Львова удручил всех первым показом, но смог буквально за полдня сократить спектакль «Двор Генриха III» вдвое, из трех актов сделать два, отсечь все лишнее. И на наших глазах преобразить Дюма чуть ли не в Шекспира. И переломить тем самым зрительское предубеждение. Другой украинский васильевец Андрей Жолдак, напротив, в композиции «О-О-Ы!» (гласные от украинской транскрипции «Чернобыль») обнаружил грандиозность замысла, но не сумел с собственным детищем совладать — запаниковал, лихорадочно пустился импровизировать, забрался в дебри психоанализа и «выплыл» исключительно благодаря присутствию в зале мудрого Мастера.

Работы Жолдака — а он показал еще и более традиционный спектакль «Момент» по рассказам Винниченко — были, пожалуй, пиком фестиваля. Здесь само мнение режиссера и оценка зрителей разошлись категорически. Актеры катались по полу, набивали шишки, ломали декорации. Режиссер вдохновенно метался по площадке, подхлестывая то актеров, то художников, то осветителей. Хаос,

стоту, не хочу проявлять родительскую строгость, ходить с плечкой. Тот контакт, что многих раздражил, связан с тем, что действие хочет быть рядом со зрителем. Не надо бояться, не надо быть чистойлей. Иначе вы можете оказаться в положении неопита в храме. Неопит скован. Опытный человек чувствует себя в храме, как на собственной кухне. Чем проще контакт в храме, тем он возвышенней. Не надо бороться за академизм. За совершенство. Нельзя с ходу стать Микеланджело...

Те, кто занимается искусством, проходят два времени. Я сначала занимался искусством по любви. А потом понял, что этого мало. И забыл о любви, о ее причудах и радостях, и стал заниматься искусством целый день и круглый год. Только искусством и ничем другим. Тот, кто хочет стать художником, должен пройти этот путь: от того, когда занимаешься искусством по любви, до того, когда занимаешься им как жизнью.

ЧТО ЖЕ это было? Фестиваль или школа? Искусство или жизнь? Послушаемся Анатолия Васильева, не будем категоричны в своих заключениях. Если Мастер считает, что слабые работы — не повод для огорчений, что агрессивность отдельных спектаклей — не причина для агрессивности критики, поверим ему. Мы, барахтаясь в тине сегодняшнего театра, тоже хотим, чтобы Театр выжил и превратился из гадкого утенка в белого лебедя. Может быть, васильевская «школа» поможет? Может, пойдет на пользу и фестиваль, который молодые режиссеры, не желая расставаться с Мастером, решили сделать постоянным, ежегодным... Следующая «школа» — во Львове. Елена АЛЕКСЕЕВА.

ЛЕНИНГРАД.

● Сцены из «О-О-Ы!».

Фото Германа Ровинского.